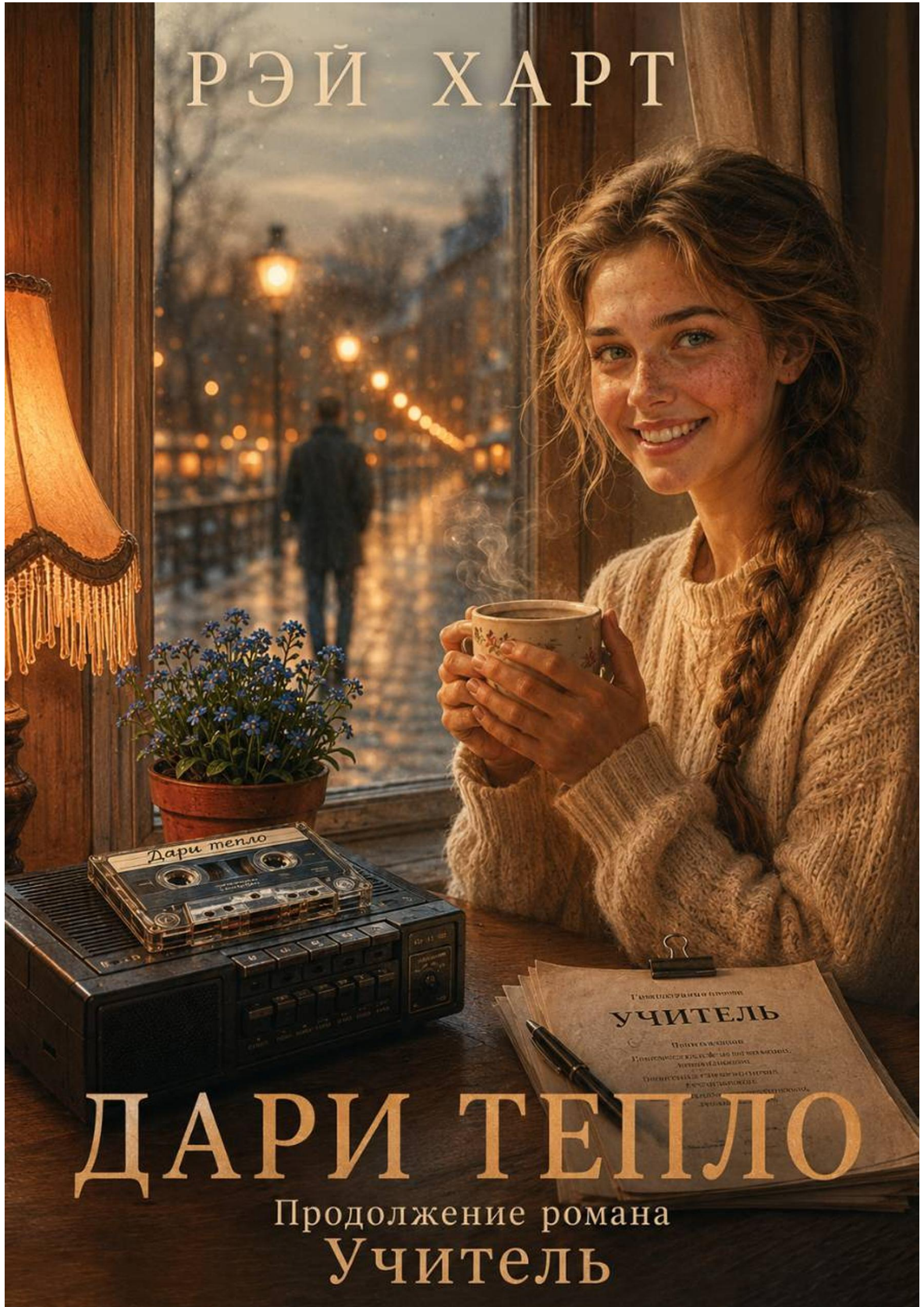

РЭЙ ХАРТ

ДАРИ ТЕПЛО

Продолжение романа
Учитель

Рэй Харт
Дари тепло

«Автор»

2026

Харт Р.

Дари тепло / Р. Харт — «Автор», 2026

Лера носит в сердце боль утраты и память об Учителе, который научил её видеть свет там, где другие видели только серость. Чтобы он не исчез окончательно, она решает снять о нём кино. Но как найти актёра, который сможет сыграть душу? Саша — человек из типографии, уставший от жизни и собственных несбывшихся мечтаний. Он соглашается на роль, не подозревая, что эта история изменит их обоих. Вторая часть серии книг об Учителе — это глубокий, пронзительный роман о том, как трудно сделать шаг навстречу новому счастью, когда прошлое держит крепко. О том, как важно не бояться жить, любить и дарить тепло, пока сердце бьётся. Книга, которая заставит плакать и верить в чудо одновременно.

© Харт Р., 2026

© Автор, 2026

Рэй Харт

Дари тепло

Пролог Голос из прошлого

Ночь за окном была густой и тёплой, как парное молоко. Город шумел где-то далеко, приглушённо, словно не решаясь нарушить тишину нашей маленькой квартиры. Я сидела на кухне, за старым деревянным столом, который мы со Светкой нашли на помойке и потом отмывали целый вечер, и перебирала кассеты.

Чёрный магнитофон с потёртым кожаным чехлом стоял на полке, на самом почётном месте. Рядом с ним – стопка плёнок, подписанных моим юным почерком: «Высоцкий», «Окуджава», «Визбор», «Костер», «Последний урок».

Я взяла одну кассету, повертела в руках. На ней не было надписи. Только дата, выведенная шариковой ручкой: «Июнь 198*».

Странно. Я помнила каждую кассету, каждую песню. Эту – не помнила.

Я вставила плёнку в магнитофон, нажала зелёный треугольник. Сначала – шипение, треск, потом – тишина. А затем раздался голос. Тот самый, низкий, чуть хриловатый, с грудным тёплым тембром, от которого у меня до сих пор сжималось сердце.

«Лера... если ты когда-нибудь найдёшь эту запись... значит, меня уже нет рядом. Я хочу сказать тебе одну вещь. То, что я делал – это не подвиг. Это просто долг. Долг перед тем, кто поверил в меня. Перед твоим братом, перед твоей семьёй, перед тобой. Но ты... ты стала для меня дороже и роднее, чем сестра. Ты напоминаешь мне, зачем я всё это делал. Не останавливайся. Твой голос должен звучать. Твои истории должны жить. Обещай мне...»

Дальше – тишина. Запись закончилась.

Я сидела, прижав ладони к губам, и смотрела в одну точку затуманенными от слёз глазами.

За окном всё так же шумел город. А в моей груди росло, расправлялось огромное желание действовать, оно требовало выхода.

На столе лежал мой первый сценарий. Короткометражный фильм. Тридцать минут. О нём. Об учителе. О человеке, который пришёл в нашу пыльную школу и перевернул всю мою жизнь.

Я взяла ручку и дописала на титульном листе название:

«Дари тепло»

И подпись: «Режиссёр-постановщик – Валерия И.».

Всё только начиналось.

Глава 1 Светка и котлеты

– Лерка! Ты где пропадаешь? – Светкин голос пробивался сквозь гул воды из под крана. – Я тут котлет принесла! Настоящих! Из дома!

Я зашла в комнату, которую мы делили на двоих. Восемнадцать метров, две кровати, один стол, шкаф, который вечно скрипел, и окно во всю стену, выходящее на шумную улицу и набережную.

Светка, моя вечная Светка, выглянула из кухни в смешном переднике с рюшами и на ходу разворачивала свёрток из газет.

– Ты чего такая сияющая? – спросила я, бросая тяжёлую сумку с книгами на пол.

– А то! – Она подняла голову, и глаза её действительно горели особым светом. – Меня повысили! Теперь я не просто официантка, а старшая официантка! Представляешь? Буду зал контролировать и новеньких учить!

– Старшая официантка, – улыбнулась я. – Звучит почти как министр.

– Ага. Министр котлет и компота. – Светка рассмеялась своим фирменным смехом, в котором всё так же проскакивало негромкое похрюкивание, отчего он становился ещё роднее. – Ну, идём на кухню. А то опять до ночи со своими книжками просидишь.

Я села за стол, взяла котлету. Домашние, с чесночком и зеленью – мама Светки всегда пекла лучшие в мире котлеты. Мы ели молча, и в этой тишине было столько уюта, сколько не могли дать никакие слова.

– Как там твой университет? – спросила Светка, жуя. – Всё ещё грызёшь гранит?

– Грызу. – Я откусила ещё кусочек. – Знаешь, мне на днях один мастер сказал странную вещь.

– Какую?

– Сказал, что у меня есть чутьё. Что я вижу истории там, где другие видят просто жизнь.

Светка перестала жевать и посмотрела на меня с таким серьёзным видом, что я даже удивилась.

– А он прав, – сказала она просто. – Ты всегда видела. Ещё в школе. Помнишь, как ты про учителя рассказывала? Ты так рассказывала, что я будто сама там была. И костёр тот видела, и гитару слышала. Это талант, Лерка. Не зарывай его.

Я отвернулась, чтобы она не заметила, как защипало в глазах. Светка умела говорить такие вещи – без пафоса, просто, от души. И от этого они становились в сто раз важнее любых похвал.

– Ладно, – сказала я, проглатывая комок в горле. – Хватит обо мне. Ты как там, одна совсем? С парнями что?

– Ой, не начинай! – Светка замахала руками. – Надоели они мне. То один клеится, то другой. А как до дела – так все принцы на белом коне, а как посуду за собой помыть – так сразу «я спешу». Нет уж. Я лучше с котом буду.

– У тебя же нет кота.

– Заведу. Рыжего. Как у нас в школе. Помнишь того, которого Артём Сергеевич нашёл?

Я помнила. Рыжик до сих пор жил в школе, важный, упитанный, признанный всеобщий любимец. Иногда, когда я приезжала домой, он встречал меня у калитки, тёрся о ноги и мурлыкал так громко, что было слышно на всю улицу.

– Помню, – тихо сказала я. – Всё помню.

Светка посмотрела на меня внимательно, но ничего не сказала. Она вообще стала реже спрашивать про то время. Просто знала, что во мне до сих пор живёт боль потери, и не лезла без надобности.

За окном стемнело. Мы зажгли настольную лампу – единственную роскошь в нашей квартире, жёлтый абажур с бахромой, купленный за смешные деньги в комиссионке. Свет его падал на стопку книг, на мои конспекты, на фотографию стоящую на полке, в простой деревянной рамке.

На фотографии был наш класс. Мы все, 8«а», и он. Артём Сергеевич стоял чуть сбоку, как всегда, слегка нелепый, с торчащими волосами и смущённой улыбкой. А рядом с ним – я. Светловолосая, с косой через плечо, с веснушками на носу. Мы тогда ещё не знали о его болезни.

– Лер, – вдруг сказала Светка. – А ты про него думаешь? Часто?

Я молчала долго. Потом кивнула.

– Каждый день.

– И что думаешь?

– Думаю, что он нас изменил. Всех. И что мы должны... – я запнулась, подбирая слова, – должны сделать так, чтобы это не прошло даром.

Светка вздохнула, откинулась на спинку стула.

– Ты как всегда, Лерка. Слишком серьёзная. Слишком правильная. Но знаешь... это хорошо. Это по-нашему.

Мы ещё долго сидели в тот вечер. Говорили о всякой ерунде, о работе, о её дурацком начальнике, о моём мастере, который требовал невозможного. Смеялись, спорили, пили чай с печеньем. А потом, когда она уснула, я достала из-под подушки потрёпанную тетрадь.

Это был сценарий. Первый в моей жизни. На обложке – одно слово: «Учитель».

Я открыла его на первой странице и начала читать. Строчки расплывались от слёз, но я всё равно видела их. Видела наш класс. Видела его, входящего с магнитофоном. Видела тот самый день, когда всё началось.

За окном проплыл последний трамвай, звякнул, скрылся в темноте. А я всё сидела и смотрела на эти строчки, и в груди росло то самое чувство, которое не передать словами.

Чувство, что я должна.

Обязана.

Должна сделать.

Глава 2

Моя заявка

Университет кинематографии, октябрь.

Мастерская Вениамина Григорьевича пахла табаком, старыми плёнками и вечным творческим беспорядком. Наш мастер, невысокий, лысоватый, с хитрыми глазами и неизменной спичкой в зубах, сидел во главе длинного стола и листал наши заявки.

– Валерия, – позвал он, не поднимая головы. – Подойди.

Я встала, чувствуя, как колотится сердце. Вокруг сидели мои однокурсники – шумные, талантливые, уверенные в себе. Я среди них всегда чувствовала себя немного самозванкой. Девочка из посёлка, из глубинки, из школы, где хорошие книги были роскошью. Что я здесь делаю?

– Твоя заявка, – Вениамин Григорьевич поднял на меня глаза, и в них мелькнуло что-то странное. – Про учителя.

– Да, – выдохнула я.

– Садись.

Я села. В аудитории повисла тишина. Даже Костик, главный болтун курса, замолчал и с любопытством уставился на меня.

– Расскажи, – сказал мастер. – Своими словами. Не по сценарию.

Я сглотнула. Рассказать? Как рассказать то, что не помещается в слова? Как передать запах крашенных полов, хрип магнитофона, его улыбку, от которой подкашивались ноги?

– Его звали Артём Сергеевич, – начала я тихо. – Он появился в нашей школе, когда мне было пятнадцать. Мы жили в посёлке с кирпичным заводом. Там всё было красным от кирпичной крошки. И будущее у всех было красным и пыльным – завод, работа до старости, никаких надежд. А он пришёл с магнитофоном. С гитарой. С книгами, которых мы никогда не читали. Он поселился в доме моей семьи. В комнате моего умершего брата.

Я говорила, и слова лились сами. Про огород, который мы вскопали на пустыре за школой. Про стулья, которые тащили с вокзала. Про поход к озеру, про песню у костра, про то,

как он спас котёнка, про его синие глаза. Про его родителей, которые приезжали на чёрной машине и не могли его забрать. Про то, как он угасал, но продолжал улыбаться.

Когда я закончила, в аудитории повисла оглушительная тишина. Костик смотрел на меня с открытым ртом. Ленка, главная красавица курса, украдкой вытирала глаза.

Вениамин Григорьевич долго молчал. Потом медленно отложил спичку.

– Валерия, – сказал он. – Ты понимаешь, что у тебя в руках?

Я не понимала. Я просто рассказала нашу историю.

– Это не просто заявка, – продолжал он. – Это кино. Настоящее. Которое нужно снимать. Не здесь, не в павильоне. Там. В твоём посёлке. С теми людьми, кто это пережил.

– Но... – начала я.

– Никаких «но». Будешь снимать курсовую работу. Короткий метр. Тридцать минут. Срок – до мая. Всё необходимое университет предоставит. Но с одним условием.

Я замерла.

– Ты должна сама найти актёра на главную роль. Такого, чтобы зритель поверил. Чтобы это был не просто артист, а человек. Поняла?

Я кивнула. И внутри меня всё перевернулось. Где я найду такого человека? Кто сможет сыграть ЕГО?

После занятия ко мне подошли однокурсники. Многие хвалили, другие молча жали руку. А я шла по коридору и думала об одном: как? Как найти того, кто сможет нести этот свет?

Я не знала тогда, что ответ уже совсем рядом. Что судьба готовит мне встречу, о которой я даже не мечтала. И что эта встреча, навсегда изменит меня.

Глава 3

Человек из типографии

Типография «Честный станок», ноябрь.

Работа в вечернюю смену достаточно тяжёлая, но у неё одно преимущество – тишина. Днём в типографии стоял грохот станков, крики рабочих, вечная суета. А поздно вечером, когда весь город засыпал, здесь наступало спокойствие.

Я сидела за администраторской стойкой и проверяла накладные. Свет от настольной лампы выхватывал из темноты стопки бумаги, старый телефон, стакан с ручками. За окном шумел ветер, гонял по асфальту последние осенние листья.

– Валерия, вы ещё здесь?

Я подняла голову. В дверях стоял Саша. Александр Сергеевич, но все звали его просто Саша. Он работал в печатном цехе, отвечал за цветопробу – самую сложную часть процесса. Высокий, чуть сутулый, с тёмными волосами, которые вечно падали на лоб, и с такими светлыми глазами, что я каждый раз невольно вздрагивала, когда их видела.

Они были похожи. Не лицом – черты другие, нос тоньше, подбородок жёстче. Но взгляд... Этот спокойный, чуть отстранённый взгляд человека, который видит больше, чем говорит. И руки – длинные пальцы с аккуратными ногтями, так часто испачканные краской.

– Засиделась, – ответила я, откладывая бумаги. – А вы почему не дома? Ваша смена давно закончилась.

Саша улыбнулся. Улыбка у него была тихая, с лёгкой смущённостью, и от неё на щеках появлялись ямочки. Такие же, как у него. У Артёма Сергеевича.

– Станок настраивал. Завтра сложный заказ, надо, чтоб всё идеально было. А вы чай пьёте?

– Пью.

– Можно с вами?

Я кивнула. Он сел напротив, и я налила ему чай из закопчённого чайника. Мы пили молча, и в этой тишине было что-то уютное, почти домашнее.

– Я слышал, вы в университете учитесь, – сказал он наконец. – На режиссёра?

– Да. На кинематографическом.

– Круто. – Он смотрел в кружку, вертел её в руках. – А я, тоже хотел... Не срослось.

– Почему?

– Семья. Надо было работать. Так и застрял в типографии. – Он усмехнулся, но в усмешке не было горечи. – Но ничего. Я и тут счастлив.

Я смотрела на него и вдруг поймала себя на мысли, что хочу рассказать ему всё. Про учителя, про сценарий, про поиски актёра. Почему-то казалось, что он поймёт.

– Саш, – сказала я неожиданно для себя. – А вы когда-нибудь снимались в кино?

Он поднял глаза, удивлённый.

– Я? Нет. С чего вы взяли?

– Просто... – я замялась. – У меня есть одна история. Очень личная. И я ищу человека, который мог бы её сыграть. Главную роль. Вы... вы очень похожи на одного моего знакомого. Не лицом. Больше взглядом.

Он молчал долго. Потом поставил кружку на стол.

– Расскажите, – попросил он. – Вашу историю.

И я рассказала. Всё. Снова. Про магнитофон, про школьный огород, про стулья с вокзала, про ночи в подсобке, про боль, которую скрывал учитель. Рассказала про тот вечер, когда я застала его за мятным чаем, и про признание, перевернувшее во мне всё.

Когда я закончила, в глазах у Саши стояли слёзы. Он не стеснялся их, не вытирал. Просто сидел и смотрел на меня.

– Валерия, – сказал он тихо. – Я сделаю это. Если вы мне доверите. Я сделаю всё, что смогу.

– Но вы никогда не играли...

– Неважно. – Он покачал головой. – Это не игра. Это – жизнь. Я чувствую. Я... я сам немного такой. – Он запнулся. – То есть не такой, конечно. Но я понимаю. Про доброту. Про то, как важно отдавать. Я всю жизнь только этим и занимаюсь – отдаю. Семье, работе, людям. Мне этого не жалко.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разрастается что-то тёплое. Узнавание.

– Спасибо, Саша, – сказала я. – Вы даже не представляете, как это важно.

– Представляю, – ответил он. – Очень даже представляю.

За окном уже стемнело. Первый свет луны пробивался сквозь грязные стёкла. Мы сидели вдвоём в пустой типографии, пили остывающий чай и молчали. И это молчание было красноречивее любых слов.

Глава 4

Ночной маршрут

Ноябрьский город встретил нас ледяным ветром и мелкой колючей пылью, которая норвила забиться за воротник. Мы вышли из типографии уже за полночь, и фонари на пустынной улице казались одинокими маяками в чёрном океане.

– Холодно, – сказал Саша, застёгивая куртку до самого горла. – Как вы добираетесь, Валерия? До вас далеко?

– Лера, – поправила я. – Просто Лера. Не очень. Сорок минут пешком, если быстро идти.

– Сорок минут? – Он посмотрел на меня с ужасом. – Ночью? Одна?

– Привыкла, – пожалала я плечами. – Здесь не посёлок, фонари горят, люди ходят.

– Люди – это не аргумент. – Он покачал головой. – Я провожу.

– Саш, не надо. Вы и так сегодня смену отстояли, у вас глаза красные.

– У вас тоже.

– Я перед учёбой выплюсь, у нас лекции только к обеду.

– А я выплюсь завтра. – Он улыбнулся, и в свете фонаря я увидела эти ямочки на щеках.

– Пойдёмте. Лера. Я настаиваю. И давай на «ты», разница в возрасте не такая уж большая. Я кивнула.

Мы пошли. Сначала молча – он шагал рядом, чуть быстрее меня, подстраиваясь под мой шаг. Ветер дул в спину, подталкивал, заставлял идти бодрее. Где-то вдалеке прогремел служебный трамвай, и снова стало тихо.

– А вы... ты давно в типографии? – спросила я, чтобы нарушить тишину.

– Пять лет, – ответил он. – С восемнадцати.

– Прямо после школы?

– Да.

– А куда хотел поступить?

Он молчал так долго, что я решила – не ответит. Но потом сказал, глядя куда-то вперёд, на мокрый асфальт, блестящий под фонарями:

– В театральный. Хотел.

Я удивилась. Повернула голову, разглядывая его профиль – прямой нос, впалые щёки, тёмные круги под глазами. Он не выглядел артистом. Он выглядел человеком, который давно не высыпается.

– А что случилось?

– Отец заболел. – Голос его был ровным, спокойным, как будто он рассказывал чужую историю. – Инсульт. В одночасье. Я как раз экзамены сдал, вступительные. Поступил, кстати. Проходной балл перекрыл. А тут... – Он развёл руками. – Мать одна с тремя детьми. Младшие в школу ходили, средний – в училище. Кто-то должен был работать.

– И ты...

– Я. Отец теперь инвалид. Не ходит, не говорит почти. Только глазами живёт. – Он помолчал. – Я старший. Значит, мне нужно поддержать семью.

– А мама?

– Мама на полставки в библиотеке. Больше не тянет – ухаживать надо за отцом. Так и живём.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Слова казались пустыми, ненужными. А он вдруг усмехнулся – не горько, а скорее удивлённо, как будто сам себе удивлялся:

– Смешно, да? Пришёл в типографию на месяц – думал, подработаю до осени, а там видно будет. Пять лет прошло.

– А братья, сёстры? – спросила я. – Выросли?

– Выросли. Младший, Лёшка, в армии сейчас. Сестра, Катька, замуж вышла, уехала. Средний, Димка, здесь, работает на заводе. Тоже помогает, когда может. Но у него своя семья, двое детей. – Он вздохнул. – А я так и остался. С отцом, с матерью. С типографией.

– И ты ни разу не был в отпуске?

– Не был. – Он улыбнулся шире. – У нас, знаешь, как: если не ты, то кто. Никто не придёт и не сделает.

Я подумала о своём отце. О том, как он возвращался с завода красный от кирпичной пыли, как мать молча ставила перед ним тарелку с супом, как мы с Маринкой боялись лишней раз шуметь, когда он спал после тяжёлой смены.

– У нас тоже отец много работал, – сказала я. – На кирпичном заводе. Помню, он приходил и красная пыль на всём – на одежде, на лице, в волосах. Маринка, сестра моя младшая, боялась его таким. Пряталась.

– А ты?

– А я выходила встречать. С тапками. – Я улыбнулась воспоминанию. – Он говорил: «Ну, дочка, давай свои тапки, а то ноги гудят». И я несла.

Саша слушал внимательно, не перебивая. Мы свернули на набережную, и ветер здесь стал злее, хлестал прямо в лицо.

– А Маринке сколько? – спросил он.

– Десять. Всё время что-то мастерит, рисует. Говорит, художником будет.

– А ты кем хотела?

– Я? – Я задумалась. – Сначала – певицей. Потом – режиссёром. Но петь пока не бросила.

Он остановился. Посмотрел на меня странно – пристально, с совершенно новым выражением, которого я раньше не видела.

– Что? – спросила я.

– Ничего. Просто... я тебя видел.

– Где?

– В театре. Маленьком, на окраине. «У Пушкинских ворот», кажется. Ты пела в спектакле. Моя сестра пригласила – она тогда в институте училась, подружка её играла. А ты вышла в середине второго акта и спела.

Я замерла. Спектакль шёл три дня, в крошечном зале на двести мест. Но с тех пор я регулярно там пою.

– Ты была в синем платье, – продолжал Саша. – Длинном таком, до пола. И пела... не помню уже, что. Что-то грустное. Про разлуку. И у тебя голос дрожал в конце. Я потом на сцену смотрел, а вокруг тишина. Никто не дышал.

– Ты запомнил?

– Запомнил. – Он смутился, отвёл взгляд. – Я вообще редко куда хожу, а тут... сестра затащила. И я потом думал: вот человек, который делает то, что хочет. Который не бросил. Не как я.

– Саш, – сказала я. – Ты не бросил. Ты... ты выбрал другое. Это не слабость.

– Может, и не слабость. – Он пожал плечами. – Но я иногда думаю: а что, если бы? Если бы поступил, если бы играл? Может, сейчас был бы где-нибудь на сцене, а не в типографии.

– А ты не пробовал? Сейчас?

– Поздно. – Он усмехнулся. – Кому нужен взрослый студент?

– Ты серьёзно? Тебе же...

– Двадцать три, – сказал он улыбаясь. – Двадцать три года, Лера. А чувствую себя на все пятьдесят.

Я не нашлась, что ответить. Мы шли дальше, и я думала о том, как странно устроена жизнь. Я мечтаю о кино, снимаю курсовые, живу в Большом городе – и мне всё время кажется, что я ничего не достигла. А он стоит у станка до ночи, ещё подрабатывает, тащит на себе всю семью и помнит мой голос в каком-то дешёвом театре.

– Вот мой дом, – сказала я, когда мы дошли до арки. – Спасибо, что проводил.

– Не за что. – Он остановился, засунул руки в карманы. – Лера... ты, наверное, думаешь, что я чокнутый. Рассказываю про театр, про твой голос.

– Не думаю.

– Я просто хотел сказать... то, что ты делаешь – это правильно. Фильм про учителя, про вашу школу. Это важно. Я, когда согласился, не сразу понял, насколько. А сейчас понимаю.

– Спасибо, Саша. – Я посмотрела на него. В темноте его глаза казались бездонными, но в них было что-то такое, отчего мне стало спокойно. – Завтра начнём репетировать?

– Конечно. После смены.

– Я тогда приду в типографию. К чаю.

– Буду ждать.

Мы пожали друг другу руки. Его ладонь была сухой, тёплой, шершавой – пальцы типографского рабочего, привыкшие к краске и бумаге. Пожатие было крепким, но не грубым, и задержалось на секунду дольше, чем нужно.

– До завтра, – сказал он.

– До завтра.

Он развернулся и пошёл обратно. Я стояла в арке и смотрела ему вслед. Он шёл быстро, чуть сутулясь, руки в карманах, воротник поднят. Фонари освещали его то спереди, то сзади, и он то исчезал в темноте, то появлялся снова.

Я смотрела на его удаляющуюся фигуру, и внутри меня родилось странное чувство спокойствия.

Я поднесла ладонь к лицу. Она всё ещё помнила его руку. Тёплую, надёжную, не похожую ни на чью другую.

– До завтра, – прошептала я в пустоту.

Не спеша повернулась и вошла в подъезд. За спиной всё ещё гудел город, где-то далеко сигналила машина, и ветер гнал по асфальту последние сухие листья.

А я улыбалась. Впервые за долгое время – просто так, без причины.

Глава 5

Воскресный гость

Воскресенье выдалось на редкость солнечным. Ноябрьское солнце било в окна нашей маленькой кухни, заставляя пылинки танцевать в воздухе, и даже облупившаяся краска на подоконнике казалась почти красивой.

Я металась по комнате уже час. Перекладывала книги, вытирала пыль, которую убирала вчера, меняла скатерть, потом стелила обратно.

– Лерка, прекрати! – Светка сидела на кровати, поджав ноги, и следила за мной с видом кота, наблюдающего за мышью. – Ты как на свидание собираешься. А это просто читка сценария.

– Ничего подобного, – буркнула я, поправляя и без того ровную стопку тетрадей. – Просто... он в первый раз придёт. Надо, чтобы нормально было.

– Нормально, – фыркнула Светка. – Ты уже третий раз пол моешь. У нас скоро стерильно будет, как в операционной.

Я хотела что-то ответить, но в дверь позвонили. Сердце сделало скачок и застряло прямо в горле.

– Иди открывай, – кивнула Светка. – А я пока чайник поставлю.

Я выдохнула, одёрнула свитер – тот самый, тёплый, бежевый, который не мнётся, – и пошла к двери.

На пороге стоял Саша.

В выходном он выглядел иначе – не в рабочей куртке, пропитанной типографской краской, а в куртке, простом тёмном свитере и чистой рубашке. Волосы были уложены, но всё равно вились, как всегда. В одной руке он держал небольшой бумажный свёрток в другой – цветок.

Не букет. Маленький горшочек, обёрнутый в газету, из которого торчали нежные голубые соцветия.

– Привет, – сказал он, чуть смущаясь. – Я... это. Решил не с пустыми руками.

– Саш, зачем? – я взяла свёрток и горшок, чувствуя, как лицо заливают краска. – Ты бы просто пришёл.

– Просто так неудобно. – Он переступил с ноги на ногу. – Там торт. Магазиновый, я не пеку, к сожалению. А это...

– Незабудки? – я склонилась к цветку, вдыхая тонкий, едва уловимый запах.

– Да. Продавщица сказала, они неприхотливые. И цветут долго. Я подумал... ну, зима скоро, а зелень в доме... – Он замолчал, видимо, решив, что сказал глупость.

– Спасибо, – сказала я тихо. – Это... очень красиво. Проходи.

Он шагнул в коридор, и тут из кухни вылетела Светка.

– О! А вот и наш артист! – воскликнула она с такой интонацией, будто они были знакомы сто лет. – Здравствуйте, Александр! Я Света, Леркина подруга, сожительница и вообще душа компании. Давайте сюда вашу куртку, кидайте на вешалку, проходите на кухню, я чай заварила, мятный, Лерка обожает.

Саша растерянно заморгал, но уже через секунду улыбнулся – той своей тихой, чуть смущённой улыбкой, от которой на щеках появлялись ямочки.

– Очень приятно. Спасибо за приглашение.

– Какое приглашение? – Светка махнула рукой. – Это Леркино приглашение. Я просто живу здесь и ем её стряпню.

– Света! – шикнула я.

– Что? Правду говорю ведь.

Мы прошли на кухню. Светка быстро накрыла на стол – чашки, блюдце с вареньем, вазочка с печеньем, а посередине поставила Сашин торт. Бисквитный, с кремом, с ягодами сверху.

– Торт, – сказала она с уважением. – Это серьёзно. Лерка, смотри, человек не с пустыми руками пришёл. Цени.

Саша сел на стул, который я специально поставила ближе к окну, и огляделся. Кухня у нас была маленькая, но уютная – жёлтый абажур над столом, герань на подоконнике, наши с Светкой фотографии, приколотые к пробковой доске. И теперь к герани добавились незабудки – я уже собиралась их поставить на самое светлое место.

– У вас хорошо, – сказал он. – Уютно.

– Это Лерка так устроила, – хмыкнула Светка, разливая чай. – Я бы без неё в коробке жила и радовалась. А она всё время что-то придумывает – то скатёрочку, то цветочек, то стол с помойки отмоем так, что он как новый.

– Не с помойки, – поправила я. – Рядом с помойкой. Тонкая разница.

– Ага, – фыркнула Светка. – Слушаешь песни Высоцкого?

Светка без проблем, за секунду переходила с незнакомцем на «ты».

Саша улыбнулся, взял чашку.

– Высоцкого? Люблю.

– О! – Светка оживилась. – А какая песня любимая? «Кони привередливые»? «Охота на волков»? «Он не вернулся из боя»?

– «Баллада о любви», – тихо сказал Саша. – Её люблю.

Я подняла на него глаза. Странное совпадение – ту самую песню Артём Сергеевич тоже любил. Играл иногда по вечерам, когда думал, что никто не слышит.

– А я больше «Кони» уважаю, – сказала Светка, не заметив моего молчания. – Там так: «Что-то кони мне попались привередливые». Боевая такая. А ты, Саш, сам играешь?

– Немного. На гитаре. Но непрофессионально.

– Вот и отлично! – Светка хлопнула в ладоши. – Лерка поёт, ты играешь – будете дуэтом выступать.

– Света, – одёрнула я. – Мы не выступать собрались. У нас сценарий.

– Ну да, ну да, – подмигнула она. – Ладно, я пойду, не буду мешать. Вы там работайте, а я в комнате журнал почитаю.

Она взяла кружку, кусочек торта и сделала вид, что уходит, но в дверях задержалась.

– Саш, ты только Лерку сильно не ругай за сценарий. Она у меня перфекционистка. Если что не так – она сама сто раз перепишет, тебе даже исправлять не придётся.

– Света!

– Всё, всё, молчу. – Она скрылась за дверью, но я была уверена, что уши её всё равно торчат где-то в коридоре.

Мы остались вдвоём. Саша отпил чай, поставил чашку.

– Хорошая у тебя подруга.

– Да, – кивнула я. – Она... она меня из университета вытаскивала, когда я совсем расклеивалась. Мы вместе приехали из нашего посёлка, вместе квартиру снимаем, вместе детство провели. Она – как сестра.

– Понимаю. – Он помолчал. – У меня тоже есть такой человек. Димка, брат. Когда отец заболел, он меня за руку держал, когда я сдаваться хотел. Говорил: «Ты старший, ты должен. А я за тебя буду». И держал.

Я смотрела на него, на эти круги под глазами, на длинные тёмные ресницы, на его пальцы, обхватившие чашку, и думала о том, сколько всего он на себя взвалил. И как мало жалуется.

– Ладно, – сказала я, чтобы сменить тему. – Давай сценарий.

Он кивнул, раскрыл папку. Я видела, что он уже сделал пометки – карандашом, мелко, на полях. Где-то восклицательный знак, где-то вопросительный, где-то просто подчёркнутая фраза.

– Я многое не так понял, наверное, – сказал он виновато. – Но хотел разобраться.

– Ты читал?

– Три раза. Вчера после смены.

Я открыла сценарий на первой сцене. Мы начали разбирать, медленно, фраза за фразой. Саша спрашивал, я объясняла. Он слушал внимательно, иногда переспрашивал, иногда просто кивал, и я видела, как у него в голове складывается картинка.

– А здесь, – он ткнул пальцем в одну из сцен, – когда учитель сидит у окна и смотрит на закат. О чём он думает?

Я задумалась. О чём думал Артём Сергеевич в тот вечер, когда я застала его одного?

– О доме, наверное, – сказала я. – О том, что не успел. О том, что всё правильно сделал, даже если было больно.

– А если больно – значит правильно?

Я подняла глаза. Он смотрел на меня серьёзно, без тени той смущённой улыбки, которая обычно смягчала его лицо.

– Не знаю, – честно ответила я. – Но он так считал.

Саша кивнул, что-то пометил в сценарии. Мы продолжили.

Солнце медленно ползло по подоконнику, перебиралось с герани на незабудки, потом на скатерть. Чайник мы вскипятили два раза. Светка так и не показывалась – то ли правда читала, то ли давала нам время.

А потом я решила.

– Саш, – сказала я, когда мы закончили с очередной сценой. – Я хочу тебе кое-что показать.

Он отложил сценарий.

– Что?

Я встала, подошла к полке, где стоял магнитофон. В потёртом кожаном чехле. Достала кассету – ту самую, «Дари тепло».

– Это он, – сказала я, чувствуя, как перехватывает горло. – Он пел у костра. Он тогда записал, чтобы никто не видел...

Я не договорила. Вставила кассету, нажала кнопку.

Сначала шипение, треск. Потом его голос.

«В доме, где окна глядят на закат...»

Я закрыла глаза. В кухне стало тихо – даже Светка, кажется, замерла за дверью.

Саша не двигался. Я открыла глаза и увидела, что он смотрит на магнитофон, как на что-то священное.

Когда песня кончилась, мы молчали долго. Потом он сказал:

– Спасибо. За то, что дала послушать.

Я кивнула. И была ему за это благодарна.

– А фотография? – спросил он тихо. – Можно?

Я достала с полочки фотографию ту самую – в простой деревянной рамке. Наш класс, все мы, 8«а», и он. Артём Сергеевич стоит чуть сбоку, волосы торчат в разные стороны, на лице – смущённая улыбка. А рядом я – с косой через плечо, с веснушками, счастливая.

Саша взял рамку, долго смотрел.

– Похож, – сказал он наконец. – Не лицом. Чем-то... другим.

– Я знаю, – ответила я. – Думаю, поэтому ты и согласился.

Он поднял на меня глаза.

– Нет, Лера. Я согласился, потому что ты попросила. Потому что это важно. А похож я или нет – это второе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.